

Квартал Тортилья-Флэт

Автор:

Джон Эрнст Стейнбек

Квартал Тортилья-Флэт

Джон Эрнст Стейнбек

Эксклюзивная классика (АСТ)

Произведение, посвященное колоритному миру трущоб калифорнийского города Монтерея 1930-х годов.

Читателю предстоит знакомство с очень необычными персонажами, потомками индейцев, мексиканцев и американцев. В основном они промышляют мелким воровством, нелегальными аферами и часто оказываются за решеткой. Но, несмотря на это, читатель почему-то испытывает к ним симпатию. Грубоватые манеры сочетаются у них с возвышенными стремлениями, склонность к лицемерию оборачивается трогательным простодушием, а хитрость и плутовство внезапно сменяются самоотверженностью и бескорыстием.

Сам Стейнбек в предисловии к «Кварталу Тортилья-флэт» так отзывался о своих героях: «Все это – люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспособляются к окружающей среде. Такое свойство человеческой природы зовется истинно философским отношением к жизни, и это – прекрасная вещь».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Джон Стейнбек

Квартал Тортилья-Флэт

John Steinbeck

TORTILLA FLAT

© John Steinbeck, 1935, 1937

© Copyright for Tortilla Flat renewed 1963 by John Steinbeck

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Предисловие

Когда я писал эту книгу, мне не приходило в голову, что моих пайсано можно счесть любопытной или смешной диковинкой, существами, замученными нуждой или униженными. Все это люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспособляются к окружающей среде. Такое свойство человеческой натуры зовется истинно философским отношением к жизни, и это прекрасная вещь.

Знай я, что этих людей сочтут забавной диковинкой, я, наверное, не стал бы писать про них.

Когда я учился в школе, у меня был приятель. Мы называли его ріојо[1 - Вошь (исп.)]; у этого смуглого мальчугана, очень доброго и хорошего, не было ни отца, ни матери – только старшая сестра, которую мы все любили и уважали. Мы почтительно называли ее «девицей на часок». Ни у кого в городе не было таких румяных щек, и она частенько угощала нас хлебом с помидорами. Так вот, в домике, где жили ріојо и его сестра, «девица на часок», кран кухонной раковины был отломан, а труба наглухо забита деревянной пробкой. Воду для стряпни и

питья брали из унитаза. Для этого на полу рядом с ним стоял жестяной ковшик. Когда вода кончалась, стоило только дернуть ручку, и запас ее пополнялся. Использовать унитаз по назначению строжайше запрещалось. Однажды, когда мы запустили туда головастика, хозяйка дома как следует отругала нас, а потом смыла наших питомцев.

Быть может, это – возмутительное нарушение благопристойности. Но я так не считаю. Быть может, это забавно – забавно, о Господи! Я долгое время приобщался приличиям, и все-таки я не могу думать о сестре рiоjо как о – есть ли слово гнуснее? – как о проститутке, а о его бесчисленных дядюшках, порой даривших нам монетки, как о ее клиентах.

Все вышесказанное сводится в конце концов к тому, что это не предисловие, а эпилог. Я написал эти рассказы потому, что они правдивы, и потому, что они мне нравились. Но литературные мещане отнеслись к этим людям с вульгарной высокомерностью герцогинь, которые жалеют крестьян, снисходительно над ними посмеиваясь. Рассказы эти напечатаны, и взять их назад я не могу. Но никогда больше я не отдам на поругание приличным обывателям этих хороших людей, веселых и добрых, честных в своих плотских желаниях и прямодушных, истинно вежливых, а не просто учтивых. Если, рассказав о них, я им повредил, то глубоко сожалею об этом. Больше это не повторится.

Adios[2 - Прощай (исп.)], Монтерей

Июнь 1937 года. Джон Стейнбек

Вступление

Это повесть о Дэнни, и о друзьях Дэнни, и о доме Дэнни. Это повесть о том, как Дэнни, его друзья и его дом стали единым целым, так что когда в квартале Тортилья-Флэт говорят о доме Дэнни, то имеют в виду вовсе не деревянные стены с облупившейся побелкой, совсем скрытые разросшимися кустами кастильской розы. Нет, когда там говорят о доме Дэнни, то подразумевают некое единство, частично состоящее из людей, единство, от которого исходили

радость и веселье, готовность помочь и – уже под конец – мистическая печаль. Ибо дом Дэнни был подобен Круглому столу, а друзья Дэнни – рыцарям Круглого стола. И это повесть о том, как возникло их содружество, как оно расцвело и превратилось в союз, исполненный красоты и мудрости. В ней будет рассказано о рыцарских приключениях друзей Дэнни, о сделанном ими добре, об их мыслях и об их подвигах. А в конце этой повести будет рассказано, как был потерян талисман и как распалось содружество.

В Монтерее, старинном городе на калифорнийском побережье, все эти истории хорошо известны, их повторяют снова и снова, а иной раз и приукрашивают. Вот почему этот цикл следует запечатлеть на бумаге, дабы ученые будущих времен, услышав входящие в него легенды, не сказали бы, как говорят они об Артуре, о Роланде и о Робине Гуде: «Не было никакого Дэнни, и никаких его друзей, и никакого его дома. Дэнни – это божество, олицетворяющее природу, а его друзья – всего лишь первобытные символы ветра, неба и солнца». И цель этой летописи – раз и навсегда сделать невозможной презрительную усмешку на губах угрюмых ученых.

Монтерей лежит на склоне холма между голубым заливом и темным сосновым лесом. В кварталах, расположенных ниже по склону, живут американцы, итальянцы, рыбаки и рабочие консервных заводов. Но на вершине холма, где город сливается с лесом, где на улицах нет асфальтовых мостовых, а на углах – фонарей, укрепились старейшие обитатели Монтерея, как древние британцы укрепились в Уэльсе. Это и есть пайсано.

Они живут в деревянных домишках, дворы которых заросли бурьяном, и над их жилищами еще покачиваются уцелевшие сосны. Пайсано не заражены коммерческим духом, они не стали рабами сложной системы американского бизнеса; да она, впрочем, и не слишком стремилась их опутать – ведь у них нет имущества, которое можно было бы украсть, оттягать или забрать в обеспечение займа.

Что такое пайсано? Он потомок испанцев, индейцев и мексиканцев и еще – всевозможных европейцев. Предки его поселились в Калифорнии лет сто – двести назад. По-английски он говорит, как пайсано, и по-испански он говорит, как пайсано. Если спросить его, какой он национальности, он негодующе объявит себя чистокровным испанцем и, закатав рукав, покажет, что кожа с внутренней стороны предплечья у него почти белая. Свою смуглоту, напоминающую цвет хорошо обкуренной пенковой трубки, он приписывает

загару. Он – пайсано и живет на окраине города Монтерея, расположенной на вершине холма, которая зовется Тортилья-Флэт, «Лепешечная равнина», хотя это вовсе не равнина.

Дэнни был пайсано, он вырос в Тортилья-Флэт, и все его там любили, но, впрочем, он ничем не отличался от остальных шумливых ребятишек квартала. Почти с каждым обитателем Тортилья-Флэт его связывали узы родства или романтической дружбы. Дед его был важной персоной, ему принадлежали в квартале два домика, и все уважали его за богатства. И если Дэнни, подрастая, предпочитал спать в лесу, работать на окрестных ранчо и с боем вырывать еду и вино у сурового мира, не отсутствие влиятельных родственников послужило тому причиной. Дэнни был невысок, смугл и настойчив. К двадцати пяти годам ноги его окончательно приобрели кривизну, точно соответствующую изгибу конского бока.

И вот, когда Дэнни исполнилось двадцать пять лет, началась война с Германией. Когда Дэнни и его друг Пилон (да, кстати, «пилоном» называется придача после заключения сделки – магарыч) услышали про войну, они располагали двумя галлонами вина. Большой Джо Португалец заметил блеск бутылей среди сосен и присоединился к Дэнни и Пилону.

По мере того как вина в бутылках становилось все меньше, патриотизма в их сердцах становилось все больше. И вот, когда вино кончилось, все трое спустились с холма, нежно взявшись за руки – во имя дружбы и чтобы крепче держаться на ногах, – и зашагали по улицам Монтерея. Перед домом, где записывали добровольцев в армию, они принялись кричать «ура» в честь Америки и поносить Германию. Они осыпали Германскую империю проклятиями до тех пор, пока сержант-вербовщик не проснулся, не надел форму и не вышел на улицу, чтобы их утихомирить. В постель он вернулся не скоро, потому что стал записывать их в армию.

Сержант выстроил их перед столом. Они благополучно прошли все проверки, кроме одной – проверки на трезвость, и тогда сержант принялся задавать им вопросы, начав с Пилона:

– В каком роде войск ты хочешь служить?

– А мне наплевать, – небрежно бросил Пилон.

- Такие молодцы нам, пожалуй, нужнее всего в пехоте.

И Пилон был направлен в пехоту.

Затем сержант повернулся к Большому Джо, но Португалец уже успел немного протрезвиться.

- А ты куда хочешь?

- Я хочу домой, - тоскливо сказал Большой Джо. Сержант и его записал в пехоту. Наконец он обратился к Дэнни, который давно уже стоя спал:

- Куда тебя направить?

- А?

- Я говорю: в каком роде войск ты хочешь служить?

- Что значит «в каком роде»?

- Что ты умеешь делать?

- Я? Я все умею.

- А что ты делал раньше?

- Я? Был погонщиком мулов.

- Ах вот как! Со сколькими мулами зараз ты сумеешь справиться?

Дэнни наклонился к нему с небрежным видом профессионала.

- А сколько их у вас?

- Тысяч около тридцати.

Дэнни взмахнул рукой:

- Давайте их сюда!

И вот Дэнни отправился в Техас и до конца войны объезжал мулов, Пилон маршировал по Орегону вместе с пехотой, а Большой Джо, как будет рассказано дальше, сидел в тюрьме.

Глава I

О том, как Дэнни, вернувшись с войны, получил наследство, и о том, как он поклялся защищать сырых и обиженных

Когда Дэнни вернулся домой из армии, он узнал, что получил наследство и что у него есть недвижимая собственность. Его вьехо - другими словами, его дед - умер, оставив Дэнни два домика в квартале Тортилья-Флэт.

Когда Дэнни услышал об этом, он ощутил, что на его плечи ложится бремя забот, которыми чревато всякое обладание собственностью. Прежде чем отправиться осматривать свое имущество, он купил галлон красного вина и выпил его почти весь в одиночку. Тогда бремя спало с его плеч и в нем пробудились самые худшие свойства его природы. Он орал во всю глотку, он сломал парочку стульев в бильярдной на улице Альварадо и затеял две короткие, но восхитительные драки. Но никто не хотел его замечать. В конце концов заплетающиеся кривые ноги понесли его к пристани, куда, готовясь выйти в море, сходились в этот ранний час рыбаки-итальянцы в резиновых сапогах.

Расовые предрассудки взяли верх над здравым смыслом Дэнни. Он стал угрожать рыбакам. Он называл их «сицилийскими ублюдками». Он кричал: «Chinga tu madre, Piojo»[3 - Грубое испанское ругательство.]. Он показывал им нос и делал всякие неприличные жесты. Но рыбаки только усмехались, разбирали весла и говорили:

– Здорово, Дэнни. Когда это ты вернулся? Приходи сегодня вечером. У нас есть молодое вино.

Дэнни был возмущен до глубины души.

– Pon un condo a la cabeza[4 - Грубое испанское ругательство.].

Они крикнули ему:

– До свиданья, Дэнни. До вечера.

И, забравшись в утлые лодчонки, подгрести к своим моторкам, завели их и, тарахтя, уплыли прочь.

Дэнни почувствовал себя оскорбленным. Он двинулся обратно вверх по улице Альварадо, разбивая по пути окна, и на втором перекрестке его арестовал полицейский. Дэнни питал большое почтение к закону и сопротивляться не стал. Если бы он не был только что демобилизован после победы над Германией, то получил бы шесть месяцев. Но сейчас судья дал ему только тридцать дней.

И вот в течение месяца Дэнни сидел на койке в городской тюрьме Монтеррея. Иногда он рисовал на стенах непристойные картинки, а иногда вспоминал свою военную карьеру. Время в этой камере городской тюрьмы тянулось очень, очень медленно. Порой к нему на ночь запирали какого-нибудь пьяницу, но обычно в преступной жизни Монтеррея царил застой, и Дэнни изнывал от одиночества. Сперва ему немного докучали клопы, но когда они привыкли к его вкусу, а он свыкся с их укусами, недоразумения между ними прекратились.

Он стал развлекаться сатирами. Он изловил клопа, раздавил его на стене, обвел кружком и подписал карандашом – «мэр Клу». Потом наловил еще клопов и назвал их в честь муниципальных советников города. Вскоре вся стена была украшена раздавленными клопами, носившими имена видных деятелей Монтеррея. Он пририсовывал им уши и хвосты, снабжал их огромными носами и усами. Тито Ральф, тюремный надзиратель, был шокирован, но промолчал, так как Дэнни не включил в свою картинную галерею ни судью, отправившего его в тюрьму, ни кого-либо из полицейских чинов. Дэнни весьма уважал закон.

Как-то вечером, когда тюрьма пустовала, Тито Ральф вошел в камеру Дэнни с двумя бутылками вина. Через час он отправился за новыми запасами, и Дэнни отправился с ним. В тюрьме было неуютно. Они купили вина в заведении Торрелли и сидели там, пока Торрелли не вышвырнул их на улицу. Тогда Дэнни пошел на вершину холма и уснул в лесу под соснами, а Тито Ральф, шатаясь, побрел в тюрьму и доложил о его побеге.

Когда в полдень ослепительное солнце разбудило Дэнни, он решил весь день прятаться, спасаясь от погони. Он кружил среди кустов. Он выглядывал из молодой поросли, как затравленная лисица. А вечером, выполнив все условия игры, он вышел из лесу и отправился по своим делам.

В делах Дэнни не было ничего темного или таинственного. Он подошел к задней двери ресторана.

– Нет ли у вас черствого хлеба для моей собаки? – спросил он у повара.

И пока этот доверчивый человек заворачивал ему хлеб, Дэнни украл два куска ветчины, четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку.

– Я заплачу вам потом, – сказал он.

– Берите даром. Я бы все равно их выбросил.

На душе у Дэнни полегчало. Раз так, значит, он неповинен в воровстве. Он вернулся в заведение Торрелли, обменял четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку на большой стакан граппы и отправился в лес стряпать себе ужин. Вечер был темный и сырой. Меж сосен, охраняющих сухопутные пределы Монтерея, мокрым тюлем висел туман. Дэнни втянул голову в плечи и затрусил под защиту леса. Впереди он разглядел еще одну темную фигуру и, когда расстояние между ними сократилось, узнал подпрыгивающую походку своего старого друга Пилона. Дэнни был щедрым человеком, но тут он вдруг вспомнил, что продал все свои съестные припасы, кроме двух кусков ветчины и кулька черствого хлеба.

«Я не стану окликать Пилона, – решил он. – Он вышагивает как человек, который объелся жареной индейкой и всякими другими лакомствами».

Но тут Дэнни вдруг заметил, что Пилон нежно прижимает руку к груди.

- Здравствуй, Пилон, amigo[5 - Друг (исп.)], - закричал Дэнни.

Пилон ускорил шаг. Дэнни перешел на рысь.

- Пилон, дружочек, куда ты так торопишься?

Пилон смирился с неизбежным и остановился. Дэнни приблизился с некоторой опаской, но голос его был исполнен восторга:

- Я разыскивал тебя, милый ангелочек моего сердца, потому что, погляди-ка, у меня есть два больших куска от свиньи самого Господа Бога и мешок сладкого белого хлеба. Раздели же со мной и то и другое, Пилон, пышечка.

Пилон пожал плечами.

- Как хочешь, - злобно пробурчал он.

Они вместе углубились в лес. Пилон недоумевал. Наконец он остановился и посмотрел на приятеля.

- Дэнни, - печально сказал он. - Откуда ты знаешь, что у меня под курткой бутылка коньяку?

- Бутылка коньяку? - вскричал Дэнни. - У тебя есть коньяк? Наверное, он для твоей больной старушки матери, - добавил он простодушно. - А может, ты хранишь этот коньяк для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы угостить его в день второго пришествия. Разве мне, твоему другу, пристало судить, для чего предназначен этот коньяк? И я даже не знаю, есть ли он у тебя. Кроме того, я не хочу пить. Я не дотронусь до этого коньяка. Кушай на здоровье мое свиное жаркое, ну а твой коньяк - он твой.

Пилон сказал сурово:

- Дэнни, я готов отдать тебе половину моего коньяка. Но мой долг - присмотреть, чтобы ты не выпил его весь.

Тут Дэнни переменял тему:

– Вот здесь, на поляне, я зажарю эту свинью, а ты поджаришь сахарные хлебцы из этого мешка. Коньяк поставь вот сюда, Пилон. Это самое лучшее для него место – так мы будем видеть и его и друг друга.

Они развели костер, поджарили ветчину и съели черствый хлеб. Коньяк в бутылке быстро убывал. Поев, они придвинулись поближе к огню, отхлебывая из бутылки маленькими глоточками, как озябшие пчелы. Туман окутал их, и их куртки поседел от его капель. В соснах над их головами грустно вздыхал ветер.

И вскоре Пилоном и Дэнни овладела тоска. Дэнни стал вспоминать потерянных друзей.

– Где Артур Моралес? – спросил Дэнни, простирая руки ладонями вверх. – Погиб во Франции, – ответил он себе и, повернув ладони вниз, в отчаянии опустил руки. – Погиб за родную страну. Погиб в чужой земле. Чужие люди проходят мимо его могилы, и они не знают, что в ней зарыт Артур Моралес. – Он снова поднял руки ладонями вверх. – А где Пабло, такой хороший человек?

– В тюрьме, – ответил Пилон. – Пабло украл гуся и спрятался с ним в кустах, а гусь ущипнул Пабло, и Пабло закричал, и его поймали. Теперь ему сидеть в тюрьме шесть месяцев.

Дэнни вздохнул и умолк, так как понял, что легкомысленно поторопился использовать единственного своего знакомого, который мог послужить темой для прочувствованной речи. Но тоска продолжала мучить его и требовала выхода.

– Вот сидим мы... – начал он наконец.

– Сердце ноет, – добавил Пилон, попадая в размер.

– Нет, это не стихи, – возразил Дэнни. – Вот сидим мы, бесприютные. Мы отдавали жизнь за родную страну, а теперь у нас нет даже крыши над головой.

– И никогда не было, – весьма уместно вставил Пилон.

Дэнни задумчиво тянул коньяк, пока Пилон не дернул его за локоть и не отобрал бутылку.

- Это напомнило мне, - сказал Дэнни, - историю о человеке, у которого было два веселых дома... - Тут он умолк с открытым ртом. - Пилон! - воскликнул он. - Пилон! Утеночек мой! Дружочек! И как это я забыл? Ведь я получил наследство. У меня теперь есть два дома.

- Два веселых дома? - с надеждой спросил Пилон. - Ты врешь спьяну, - спохватился он.

- Нет, Пилон. Я говорю правду. Мой вьехо умер. Я его наследник. Я - его любимый внук.

- Единственный внук, - поправил педантичный Пилон. - А где эти дома?

- Ты знаешь дом моего вьехо в Тортилья-Флэт, Пилон?

- Здесь, в Монтерее?

- Ну да, в Тортилья-Флэт.

- А они на что-нибудь годятся, эти дома?

Дэнни откинулся на спину, измученный пережитым волнением.

- Не знаю. Я совсем забыл, что они у меня есть.

Пилон молчал и сосредоточенно о чем-то думал. Лицо его стало печальным. Он бросил в костер горсть сосновых игл и глядел, как огненные язычки взметнулись по ним и тут же погасли. Затем он долго и тревожно всматривался в лицо Дэнни, а потом громко вздохнул и еще раз вздохнул.

- Теперь все кончено, - сказал он уныло. - Пришли к концу дни радости. Твои друзья будут оплакивать их, но этим беде не поможешь.

Дэнни поставил бутылку, и Пилон забрал ее и зажал между колен.

- Что кончено? - недоуменно спросил Дэнни. - О чем ты?

- Это ведь всегда так, - продолжал Пилон. - Когда человек беден, он думает: «Будь у меня деньги, я бы поселился с моими добрыми друзьями». Но стоит ему получить эти деньги, как великодушие и щедрость покидают его. Вот что случилось с тобой, мой бывший друг. Теперь ты возвысился над своими друзьями. Теперь ты домовладелец. И ты позабудешь своих друзей, которые всем с тобой делились, даже своим коньяком.

Его слова расстроили Дэнни.

- Я не такой, - крикнул он. - Я тебя никогда не позабуду, Пилон.

- Это ты сейчас так думаешь, - холодно сказал Пилон. - Но когда ты сможешь спать в двух домах, тогда сам увидишь. Пилон - только бедняк пайсано, а ты будешь обедать у мэра.

Дэнни с трудом поднялся на ноги и выпрямился, цепляясь за дерево.

- Пилон, клянусь: все, что у меня есть, - твое. Пока у меня есть дом, у тебя тоже есть дом. Дай мне выпить.

- Не поверю, пока не увижу своими глазами, - безнадежным голосом произнес Пилон. - Случись такое, это было бы чудо на весь мир. Люди приезжали бы за тысячу миль поглядеть на него. Да и бутылка пуста.

Глава II

О том, как Пилон, прельстившись солидным положением, покинул гостеприимный кров Дэнни

Нотариус оставил их у калитки второго дома, уселся в свой «форд» и, громыхая, покатил вниз по склону холма в Монтерей.

Дэнни и Пилон стояли перед некрашеным забором и с восторгом глядели на недвижимое имущество – на приземистый домишко, еще хранящий полосы давней побелки, на его пустые слепые окошки без занавесок. Но у крыльца цвела пышная кастильская роза, а в бурьяне, которым зарос дворик, кое-где алела дедушкина герань.

– Этот лучше того, – сказал Пилон. – Он больше.

Дэнни держал в руке новенький ключ. Он на цыпочках прошел по скрипучему крыльцу и отпер дверь. Большая комната осталась точно такой же, как при жизни вьехо. Украшенный розой календарь за 1906 год, шелковый платок на стене, с Боевым Бобом Эвансом, выглядывающим из-за палубных надстроек броненосца, прибитый рядом букет красных бумажных роз, связки запылившегося красного перца и чеснока, железная печка, старые кресла-качалки.

Пилон заглянул в дверь.

– Три комнаты, – благоговейно прошептал он. – И кровать, и печка. Мы будем здесь счастливы, Дэнни.

Дэнни с опаской переступил порог. От вьехо у него остались самые неприятные воспоминания. Пилон опередил его и бросился в кухню.

– Раковина с краном, – крикнул он и повернул кран. – Вода не идет. Дэнни, пусть водопроводная компания включит воду.

Они стояли и улыбались друг другу. Но Пилон заметил, что обладание собственностью уже накладывает печать беспокойства на лицо Дэнни. Никогда больше не будет оно беззаботным. Никогда больше не будет Дэнни бить окна, раз у него самого теперь есть окна, которые можно разбить. Пилон был прав – Дэнни возвысился над своими друзьями. Плечи его расправились, готовые принять на себя все тяготы новой сложной жизни. Но перед тем как он навсегда покончил со своим прежним простым и ясным существованием, один крик боли все же сорвался с его уст.

– Пилон, – сказал он грустно. – Хорошо бы этот дом был твоим, а я поселился бы здесь с тобой!

Пока Дэнни ходил в Монтерей просить, чтобы включили воду, Пилон забрел на заросший бурьяном задний двор. Тут стояли фруктовые деревья, почерневшие и покрывшиеся наростами от старости, искривившиеся и засыхающие от отсутствия ухода. В бурьяне имелись шалашики для несущек, груда ржавых обручей, куча золы и размокший матрац. Пилон заглянул через забор в птичник миссис Моралес и, минуту поразмыслив, проделал в заборе несколько дырок для кур.

«Им будет приятно устраивать гнезда в высоком бурьяне», – сочувственно подумал он. Он решил также изготовить ловушки на случай, если во двор вдруг явятся петухи и будут мешать курам и не пускать их в гнезда. «Мы будем тут счастливы», – снова подумал он.

Дэнни вернулся из Монтерея полный негодования.

– Водопроводная компания требует депозита, – сказал он.

– Депозита?

– Ну да. Сначала дай им три доллара, а потом они пустят воду.

– Три доллара, – назидательно заявил Пилон, – это три галлона вина. А когда оно кончится, мы зайдем ведро воды у нашей соседки миссис Моралес.

– Но у нас нет трех долларов на вино.

– Я знаю, – сказал Пилон. – Но, может быть, нам удастся занять немного винца у миссис Моралес.

День начинал клониться к вечеру.

– Завтра мы наведем тут порядок, – сказал Дэнни. – Завтра мы тут все вымоем и выскребем. А ты, Пилон, скосишь бурьян и выбросишь весь мусор в овраг.

– Бурьян? – в ужасе вскричал Пилон. – Только не этот бурьян! – И он изложил свои соображения относительно кур миссис Моралес.

Дэнни тут же согласился с ним.

– Мой друг, – сказал он, – я рад, что ты поселился у меня. А теперь я наберу топлива, а ты раздобудь что-нибудь на обед.

Пилон, вспомнив про свой коньяк, решил, что это несправедливо.

«Я становлюсь его должником, – с горечью подумал он. – Я лишусь свободы. Скоро я стану рабом из-за этого кровопийцы-дома».

Но он все-таки отправился искать обед.

Пройдя две улочки, уже у самой опушки леса он заметил петушка плимутрока, разгребавшего пыль посреди дороги. Петушок достиг той поры юности, когда голос его начал ломаться, а ноги, шея и грудь еще не обросли перьями. Голова Пилона была еще полна благостными размышлениями о курах миссис Моралес, и, быть может, поэтому он тут же ощутил живейшую симпатию к молодому петушку. Он медленно направился к темному сосновому лесу, а петушок бежал перед ним.

Пилон сочувственно думал: «Бедная лысая птичка. Как ты, наверное, мерзнешь на рассвете, когда выпадает роса и воздух холодеет перед зарей. Милосердный Господь не всегда бывает милосерден к малым тварям». И еще он подумал: «Вот ты играешь на улице, цыпленочек, и в один прекрасный день тебя переедет автомобиль, и тебе еще повезет, если он сразу убьет тебя. Но что, если он только сломает тебе крыло или лапку? Тогда ты останешься несчастным калекой до конца дней своих. Твоя жизнь слишком тяжела для тебя, маленькая птичка».

Он продвигался медленно и расчетливо. Порой петушок пытался прорваться назад, но каждый раз у него на пути оказывался Пилон. В конце концов он исчез среди сосен, и Пилон неторопливо последовал за ним.

Да будет воздано должное душевной доброте Пилона: из чащи не донеслось ни единого крика страдания. Петушок, которому Пилон пророчил жизнь, полную

мук, умер мирно, или, во всяком случае, тихо. А это делает немалую честь сноровке Пилона.

Десять минут спустя он вышел из лесу и зашагал к домику Дэнни. Петушок, уже ощипанный и расчлененный, покоился в его карманах. Среди жизненных правил, которыми руководствовался Пилон, одно было незыблемо: никогда, ни при каких обстоятельствах не приноси домой перья, голову и лапки, ибо только по ним можно опознать птицу.

Вечером друзья топили печку сосновыми шишками. Огонь ворчал в трубе. Дэнни и Пилон, сытые, пригревшиеся и счастливые, тихонько покачивались в качалках. Обедали они при свете огарка, но теперь только отблески огня в печке разгоняли мрак комнаты. И к довершению блаженства по крыше забарабанил дождь. Крыша протекала совсем немного, да и то в местах, где все равно никто не захотел бы сидеть.

– Хорошо! – сказал Пилон. – Вспомни-ка ночи, когда мы мерзли на улице. Вот это настоящая жизнь!

– Да, – ответил Дэнни. – И как-то странно: сколько лет у меня не было дома. А теперь их у меня целых два. Не могу же я ночевать в двух домах.

Пилон не терпел бессмысленного расточительства.

– Это и меня тревожит. Почему бы тебе не сдать другой дом жильцу? – предложил он.

Ноги Дэнни со стуком опустились на пол.

– Пилон! – воскликнул он. – Как я сам об этом не подумал? – Мысль казалась ему все более заманчивой. – Но кто его у меня снимет, Пилон?

– Я его сниму, – сказал Пилон. – Я буду платить за него десять долларов в месяц.

– Пятнадцать! – потребовал Дэнни. – Это хороший дом. Пятнадцать долларов – цена без запроса.

Пилон поворчал, но согласился. Впрочем, он согласился бы и на гораздо большую сумму, ибо он только что видел, как преобразается человек, поселившийся в собственном доме, и ему очень хотелось самому испытать такое преобразование.

– Значит, договорились, – закончил Дэнни. – Ты снимешь мой дом. Я буду хорошим домохозяином, Пилон. Я не стану тебе докучать.

У Пилона, если не считать года, проведенного в армии, ни разу в жизни не было за душой пятнадцати долларов. «Но платить за дом надо будет только через месяц, – подумал он, – а кто знает, что может случиться за месяц?»

Очень довольные, они покачивались у печки. Потом Дэнни вышел из дома и вскоре вернулся, держа в руках несколько яблок.

– Дождь их все равно испортил бы, – сказал он в свое оправдание.

Пилон, не желая отставать от друга, встал, зажег огарок и направился в спальню, откуда тотчас же вернулся с тазиком, кувшином, двумя красными стеклянными вазами и пучком страусовых перьев.

– Плохо, когда кругом столько хрупких вещей, – сказал он. – Стоит им разбиться или сломаться, и тебе становится грустно. Лучше совсем их не иметь. – Он снял со стены бумажные розы. – Подарок для синьоры Торрелли, – объяснил он, исчезая за дверью.

Вскоре он вернулся, мокрый, но торжествующий: в руке он держал бутылку красного вина вместимостью в галлон.

Позже они сцепились друг с другом, но даже не узнали, кто победил, потому что оба очень устали от волнений этого дня. Вино навевало дремоту, и они так и уснули на полу. Огонь потух, печка, остывая, тихонько пощелкивала. Огарок опрокинулся и после нескольких протестующих голубых вспышек погас в лужице собственного сала. В доме воцарились тьма, тишина и покой.

О том, как Пилон был отравлен ядом собственности и как зло на время восторжествовало в его душе

На следующий день Пилон поселился во втором домике. Этот домик был точно таким же, как и дом Дэнни, только поменьше. И у него тоже было свое крылечко, осененное цветущей кастильской розой, и свой заросший бурьяном двор, и свои старые, бесплодные фруктовые деревья, и своя алая герань, – а за забором находился птичник миссис Сото.

Дэнни, владевший домом, который можно было сдать внаем, стал великим человеком, а Пилон, сняв этот дом, довольно высоко поднялся по ступеням общественной лестницы.

Неизвестно, думал ли Дэнни получать квартирную плату и думал ли Пилон ее вносить. Если думали, то оба они были разочарованы в своих ожиданиях. Дэнни ни разу не потребовал ее, а Пилон ни разу ее не предложил.

Друзья виделись очень часто. Стоило Пилону раздобыть бутылку вина или кусок мяса, как Дэнни являлся к нему в гости. А если удача Дэнни или его ловкость приносили ему такие же блага, то Пилон проводил у него буйный вечерок. Бедняга Пилон отдал бы Дэнни причитавшиеся с него деньги, если бы они у него были, но их никогда у него не бывало, – во всяком случае, они исчезали прежде, чем ему удавалось найти Дэнни. Пилон был честным человеком. И порой ему становилось не по себе при мысли о доброте Дэнни и о собственной бедности.

Как-то вечером он оказался обладателем доллара, ниспосланного ему столь удивительным способом, что он тут же постарался об этом забыть, опасаясь помрачения рассудка. Какой-то человек у дверей отеля «Сан Карлос» сунул доллар ему в руку и сказал: «Сбегай купи четыре бутылки фруктовой воды, а то в отеле ее нет». Бывают же на свете чудеса, думал Пилон. И следует принимать их на веру, а не сомневаться в них и не ломать над ними голову. Он направился вверх по холму, собираясь отдать доллар Дэнни, но по дороге купил галлон вина и с его помощью заманил к себе в дом двух пухленьких девиц.

Дэнни, проходя мимо, услышал шум и радостно поспешил войти. Пилон пал в его объятия и отдал все, что у него имелось, в распоряжение Дэнни. А потом, когда

Дэнни помог ему разделаться с одной из девиц и с половиной вина, между ними началась чудеснейшая драка. Дэнни лишился зуба, а рубаха Пилона была разодрана в клочья. Девицы визжали и пинали того, кто оказывался внизу. Наконец Дэнни встал с пола и боднул одну из девиц в живот, так что она вылетела за дверь, квакая, как лягушка. Другая девица украла две кастрюли и последовала за подругой.

Несколько минут Дэнни и Пилон оплакивали женское коварство.

- Ты и понятия не имеешь, какие все женщины твари, - назидательно сказал Дэнни.

- Нет, имею, - ответил Пилон.

- И понятия не имеешь.

- Нет, имею.

- Врешь!

Началась новая драка, но уже далеко не такая славная.

После этого мысль о невнесенной квартирной плате перестала мучить Пилона. Разве он не оказал гостеприимства своему домохозяину?

Прошло еще несколько месяцев. И невнесенная квартирная плата вновь начала беспокоить Пилона. Терзания его становились все более невыносимыми. В конце концов он не выдержал и целый день потрошил каракатиц у Чин Ки, заработав два доллара. Вечером он повязал шею красным платком, надел широкополую шляпу своего отца и отправился на вершину холма, чтобы отдать Дэнни два доллара в счет долга.

Но по дороге он купил два галлона вина. «Так будет лучше, - подумал он. - Если я заплачу ему деньгами, это не покажет, какие горячие чувства я питаю к своему другу. Подарок - другое дело. И я скажу ему, что эти два галлона обошлись мне в пять долларов». Что было глупо, как отлично понимал Пилон, хотя и позволил себе помечтать: цены на вино в Монтерее Дэнни знал лучше всех.

Пилон шел и радовался. Решение его было твердо, нос обращен прямо в сторону дома Дэнни. Его ноги неторопливо, но безостановочно двигались в нужном направлении. Под мышками он нес два бумажных мешка, и в каждом мешке была бутылка.

Наступили лиловые сумерки – тот сладостный час, когда дневной сон уже кончается, а вечер развлечений и дружеских бесед еще не начался. Сосны на фоне неба казались совсем черными, и все предметы вокруг уже окутала тьма, но небо было пронзительно ясным, как грустное воспоминание. Чайки, лениво взмахивая крыльями, летели домой на рифы после дневного посещения рыбоконсервных заводов Монтерея.

Пилон был мистиком, влюбленным в красоту. Он поднял лицо к небу, и душа его воспарила к последним отблескам солнечного сияния. Тот далекий от совершенства Пилон, который хитрил и дрался, ругался и пил, медленно брел своей дорогой, но другой Пилон, исполненный светлой грусти, сияющий белизной, вознесся туда, где чайки на чутких крыльях купались в вечернем сумраке. Этот Пилон был прекрасен, и его мысли не были осквернены ни себялюбием, ни плотскими желаниями. И узнать его мысли – благо.

«Отче наш вечерний, – думал он. – Эти птицы вьются у чела Отца нашего. Милые птицы, милые чайки, как я вас всех люблю. Ваши медлительные крылья поглаживают мое сердце, как рука ласкового хозяина поглаживает сытое брюхо спящей собаки, как рука Христа поглаживала головки детей. Милые птицы, – думал он, – летите к Святой Деве Кротких Печалей, отнесите ей мое раскрывшееся сердце». И он произнес вслух самые красивые слова, какие только знал:

– Ave Maria, gratia plena! [6 - Радуйся, Мария, полная благодати! (лат.)]

Ноги скверного Пилона остановились. Поистине в эту минуту скверный Пилон перестал существовать (услышь это, о ангел, ведущий запись наших грехов!). Не было, нет и не может быть души чище, чем душа Пилона в эту минуту. Злой бульдог Гальвеса приблизился к покинутым ногам Пилона, которые стояли во тьме одни-одинешеньки. И бульдог Гальвеса понюхал эти ноги и отошел, не укусив их.

Душа омытая и спасенная – это душа, которой вдвойне угрожает опасность, ибо весь мир ополчается против такой души. «Самые соломинки под моими коленями, – говорит блаженный Августин, – вопиют, дабы отвлечь меня от молитвы».

Душа Пилона не устояла даже против его собственных воспоминаний: глядя на чаек, он вспомнил, что миссис Пастано нередко готовит из них свои тамале, и при этой мысли он почувствовал голод, а голод низверг его душу с небес. Пилон пошел дальше, вновь превратившись в сложную смесь добра и зла. Злой бульдог Гальвеса повернулся со свирепым рычанием и удалился, глубоко сожалея о том, что упустил такую превосходную возможность укусить Пилона за ногу.

Пилон ссутулился, чтобы удобнее было нести бутылки.

Душа, способная на величайшее добро, способна также и на величайшее зло – этот факт подтверждается историей, в которой он не раз бывал запечатлен. Есть ли кто-нибудь нечестивее отрекшегося от веры священника? Есть ли кто-нибудь любострастнее недавней весталки? Впрочем, это, быть может, лишь внешнее впечатление.

Пилон, только что вернувшийся с небес, был, сам того не подозревая, особенно восприимчив к любому недоброму ветру, к любому дурному влиянию, которыми была полна ночь вокруг него. Правда, ноги все еще несли его по направлению к дому Дэнни, но в них уже не было прежней решимости и убежденности. Они ждали только повода, чтобы повернуть вспять. Пилон уже начал подумывать о том, как сокрушительно он может напиться с помощью двух галлонов вина, а главное – как долго быть пьяным.

Было уже совсем темно. И немощеная дорога, и канавы по обеим ее сторонам прятались во мраке. Я не вывожу никакой морали из того факта, что в миг, когда душа Пилона, словно перышко под дуновением ветра, колебалась между великодушием и себялюбием, – что в этот самый миг в канаве у дороги сидел Пабло Санчес, томимый желанием покурить и выпить стаканчик вина.

О, как должны молитвы миллионов мешать друг другу и уничтожать друг друга на пути к престолу Божьему!

Пабло сперва услышал шаги, потом увидел смутную фигуру и затем узнал Пилона.

– Здравствуй, amigo, – радостно закричал он. – Что это у тебя за тяжкая ноша?

Пилон остановился как вкопанный и повернулся к канаве.

– Я думал, ты в тюрьме, – сказал он с упреком. – Я слышал про гуся.

– Я и был в тюрьме, Пилон, – весело отозвался Пабло. – Но меня там плохо встретили. Судья сказал, что наказание на меня не действует, а полицейские сказали, что я съедаю больше, чем отпускается на троих. И вот, – с гордостью заключил он, – меня отпустили под честное слово.

Пилон был вырван из когтей себялюбия. Правда, он не донес вино до дома Дэнни, но зато тут же пригласил Пабло разделить с ним это вино в доме, который он снимает. Если от дороги жизни ответвляются две тропы великодушия и пойти можно только по одной, то кому дано судить, которая из них лучше?

Пилон и Пабло весело вступили в маленький домик. Пилон зажег свечку и поставил на стол в качестве стаканов две банки из-под варенья.

– Твое здоровье! – сказал Пабло.

– Salud![7 - Твое здоровье! (исп.)] – сказал Пилон.

– Salud! – несколько мгновений спустя сказал Пабло.

– Ну, желаю тебе! – сказал Пилон.

Они перевели дух.

– Su servidor![8 - Ваш слуга! (исп.)] – сказал Пилон.

– Проехала! – сказал Пабло.

Два галлона – это немалое количество вина даже для двух пайсано. В духовном отношении эти бутылки можно распределить следующим образом. Чуть пониже горлышка первой бутылки – серьезная и прочувствованная беседа. Двумя дюймами ниже – воспоминания, овеянные приятной грустью. Еще три дюйма – вздохи о былых счастливых любовях. Еще дюйм – вздохи о былых несчастных любовях. На доньшке – всеобъемлющая абстрактная печаль. Горлышко второй бутылки – черная, свирепая тоска. Двумя пальцами ниже – песнь смерти или томление. Большим пальцем ниже – все остальные песни, известные собутыльникам. На этом шкала кончается, ибо тут перекресток и дальнейшие пути неведомы. За этой чертой может произойти что угодно.

Но вернемся к первому делению, на котором начинается серьезная прочувствованная беседа, ибо именно тут Пилон сделал замечательный ход.

– Пабло, – сказал он. – Скажи, тебе никогда не надоедает спать в канавах, мокрым, бездомным, всеми покинутым, одиноким?

– Нет, – сказал Пабло.

Голос Пилона стал мягким и вкрадчивым:

– Так и я думал, мой друг, когда я был грязным, бесприютным псом. Я тоже был доволен своей долей, потому что я не знал, как приятно жить в маленьком домике с крышей и садом. Ах, Пабло, вот это жизнь!

– Да, конечно, это неплохо, – согласился Пабло.

Пилон ринулся в атаку:

– Послушай, Пабло, а не хотел бы ты снять часть моего дома? Тогда тебе больше уж не придется спать на холодной земле. Или на жестком песке под пристанью, где в твои башмаки залезают крабы. Хочешь жить здесь со мной?

– Само собой, – сказал Пабло.

– Ты будешь платить мне всего пятнадцать долларов в месяц! И в твоём распоряжении будет весь дом, кроме моей постели, и весь сад. Только подумай,

Пабло! И если кто-нибудь напишет тебе письмо, ему будет куда его послать.

- Само собой, - сказал Пабло. - Это здорово.

Пилон облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, каким бременем лежал на его душе долг Дэнни. Разумеется, он знал, что Пабло не заплатит за квартиру ни гроша, но это не уменьшало его торжества. Если Дэнни когда-нибудь потребует денег, он сможет сказать: «Я заплачу, когда заплатит Пабло».

Они достигли следующего деления, и Пилон вспомнил, как счастлив он был в дни детства.

- Никаких забот, Пабло. Я был безгрешен. Я был очень счастлив.

- С тех пор мы ни разу не были счастливы, - грустно согласился Пабло.

Глава IV

О том, как хороший человек Хесус Мария Коркоран против воли стал орудием зла

Жизнь Пилона и Пабло текла спокойно и очень приятно. По утрам, когда солнце выплывало из-за сосен, а далеко внизу искрился и играл волнами голубой залив, они неторопливо и задумчиво поднимались с постелей.

Солнечное утро - это время тихой радости. Когда высокие мальвы усыпаны сверкающими росинками, на каждом листке трепещет драгоценный камень, пусть ничего не стоящий, но зато прекрасный. Эти часы - не для спешки, не для суеты. Утро - время неторопливых, глубоких, золотых мыслей.

Пабло и Пилон в синих бумазейных штанах и синих рубашках рука об руку спустились в овраг за домом, а вернувшись, расположились на крыльце греться на солнце, слушать рожки рыботорговцев на улицах Монтерея и обсуждать

сонно и рассеянно происшествия, волнующие Тортилья-Флэт, ибо каждый раз, пока земля оборачивается вокруг своей оси, в Тортилья-Флэт успевают произойти тысяча важнейших событий.

На крыльце они предавались блаженному покою. Только пальцы их босых ног порой постукивали по теплым доскам, отгоняя надоедливых мух.

– Если бы это была не роса, а бриллианты, – сказал Пабло, – мы бы разбогатели. Мы бы пили без просыпу всю жизнь.

Но Пилон, несший проклятие педантизма, возразил:

– Тогда бы у всех было много бриллиантов. И они ничего не стоили бы, а за вино всегда надо платить. Вот если бы вдруг пошел винный дождь, а у нас была бы цистерна, чтобы его собирать...

– Только чтобы дождь шел из хорошего вина, – перебил Пабло. – А не из того паршивого пойла, которое ты приволок в прошлый раз.

– Я ведь за него не платил, – сказал Пилон. – Кто-то спрятал бутылку в траве у дансинга. Чего же ты хочешь от найденного вина?

Они сидели, лениво отмахиваясь от мух.

– Корнелия Руис порезала вчера чумазого мексиканца, – заметил Пилон.

Пабло поглядел на него со слабым интересом.

– Подрались? – спросил он.

– Да нет. Просто чумазый не знал, что Корнелия завела себе вчера нового дружка. Чумазый только и сделал, что попробовал войти через окно, когда она заперла дверь.

– Чумазый всегда был дураком, – сказал Пабло. – Он помер?

– Да нет. Она только чуточку порезала ему руки. Корнелия вовсе и не сердилась. Просто она не хотела, чтобы чумазый вошел в дом.

– Корнелия не очень порядочная женщина, – сказал Пабло.

– Но она заказывает мессы по своему отцу, хоть он уже десять лет как помер.

– Они ему пригодятся, – заметил Пилон. – Он был скверным человеком и ни разу не попал за это в тюрьму, и он никогда не исповедовался. Когда старик Руис помирал, пришел священник его напутствовать, и тогда Руис исповедался. Корнелия рассказывает, что священник был белее полотна, когда выходил от больного. Только потом священник говорил, что не поверил и половине того, в чем Руис ему исповедовался.

Пабло кошачьим движением прикончил муху, севшую ему на колено.

– Руис всегда был лгуном, – сказал он. – Такой душе нужно много заупокойных месс. Но как, по-твоему, будет ли толк от мессы, если за нее платят деньгами, которые пропадают из карманов людей, пока они спят пьяные в доме Корнелии?

– Месса – это месса, – сказал Пилон. – Человеку, который продает тебе стаканчик вина, все равно, где ты достал на него деньги. И Богу все равно, чем платят за мессы. Он просто их любит, вот как ты вино. Отец Мерфи только и знал, что удить рыбу, и святое причастие весь сезон отдавало макрелью, но ведь оно от этого не теряло святости. Пускай в таких вещах разбираются священники. А нам нечего ломать над ними голову. Где бы нам раздобыть яиц? Неплохо было бы съесть сейчас яичко.

Пабло нахлобучил шляпу на самые глаза, заслоняясь от ярких солнечных лучей.

– Чарли Милер сказал мне, что Дэнни гуляет теперь с Розой Мартин, португалкой.

Пилон в тревоге привскочил.

– А вдруг она захочет выйти замуж за Дэнни? Эти португалки всегда хотят выходить замуж, и еще они любят деньги. Вдруг, когда они поженятся, Дэнни

начнет требовать с нас плату за дом? Этой Розе понадобятся новые платья. У женщин всегда так. Я их знаю.

Пабло тоже, казалось, был обеспокоен.

– Может, нам сходить к Дэнни поговорить? – предложил он.

– Может, у Дэнни найдутся яйца, – заметил Пилон. – Куры у миссис Моралес хорошо несутся.

Они надели башмаки и медленно побрели к дому Дэнни.

Пилон нагнулся, подобрал крышечку от пивной бутылки, выругался и отшвырнул ее.

– Какой-то скверный человек бросил ее здесь, чтобы обманывать людей.

– Я тоже вчера вечером на ней попался, – сказал Пабло, заглядывая во дворик, где поспевала кукуруза, и мысленно отметил, что она, пожалуй, уже поспела.

Дэнни сидел у себя на крыльце, в тени розового куста, и шевелил пальцами босых ног, отгоняя мух.

– Привет, amigos, – вяло поздоровался он с ними.

Они уселись рядом с ним, сняли шляпы и разулись. Дэнни достал кiset и бумагу и передал их Пилону. Пилона это немного шокировало, но он ничего не сказал.

– Корнелия Руис порезала чумазого мексиканца, – сказал он.

– Я слышал, – отозвался Дэнни.

Пабло заметил ядовито:

– Нынешние женщины забыли, что такое добродетель.

– Опасно иметь с ними дело, – подхватил Пилон. – Я слышал, что тут в Тортилья-Флэт есть одна португальская девчонка, которая всегда готова сделать мужчине подарочек, если он потрудится получить его.

Пабло негодуяще прищелкнул языком. Он развел руками.

– Что же делать? – сказал он. – Неужто никому нельзя доверять?

Они внимательно вглядывались в лицо Дэнни, но не заметили на нем никаких признаков тревоги.

– Зовут эту девушку Роза, – сказал Пилон. – А фамилию ее я называть не стану.

– Это ты о Розе Мартин? – заметил Дэнни без всякого интереса. – Чего же еще ждать от португалки?

Пабло и Пилон облегченно вздохнули.

– Как поживают куры миссис Моралес? – как бы между прочим спросил Пилон.

Дэнни печально покачал головой:

– Все до одной передохли. Миссис Моралес закупорила бобы в банки, а банки разорвало, и она скормила эти бобы курам, а куры передохли все до единой.

– А где сейчас эти куры? – заинтересовался Пабло.

Дэнни отрицательно помахал указательным и средним пальцами.

– Кто-то сказал миссис Моралес, чтобы она не ела этих кур, а то заболит, но мы хорошенько их выпотрошили и продали мяснику.

– Кто-нибудь умер? – осведомился Пабло.

– Нет. Наверное, этих кур можно было есть.

– А ты не купил на вырученные деньги немножко винца? – намекнул Пилон.

Дэнни насмешливо улыбнулся:

– Миссис Моралес купила вина, и я вчера вечером был у нее в гостях. Она все еще красивая женщина, и вовсе не такая уж старая.

Пилон и Пабло вновь охватила тревога.

– Мой двоюродный брат Уили говорит, что ей стукнуло пятьдесят, – взволнованно сказал Пилон.

Дэнни отмахнулся.

– Какая важность, сколько ей лет? – заметил он философски. – Женщина она очень бойкая. Она живет в собственном доме, и у нее есть двести долларов в банке. – Тут Дэнни немного смутился и добавил: – Мне бы хотелось сделать подарок миссис Моралес.

Пилон и Пабло устали на свои ноги, всеми силами души стремясь отворотить надвигающееся. Но это им не удалось.

– Будь у меня деньги, – сказал Дэнни, – я купил бы ей коробку конфет. – Он выразительно посмотрел на своих жильцов, но они молчали. – Мне бы только доллар или два, – намекнул он.

– Чин Ки сушит каракатиц, – заметил Пилон. – Пойди к нему на полдня потрошить каракатиц.

– Хозяину двух домов неприлично потрошить каракатиц, – колко возразил Дэнни. – Вот если бы мне получить хоть часть квартирной платы...

Пилон в сердцах вскочил на ноги.

– Ты только и знаешь, что требовать квартирную плату! – крикнул он. – Ты готов вышвырнуть нас на улицу, в сточную канаву, а сам будешь нежиться в мягкой постели! Пошли, Пабло, – гневно закончил Пилон, – мы достанем денег для этого

скряги, для этого кровопийцы.

И оба гордо удалились.

– А где мы достанем денег? – спросил Пабло.

– Не знаю, – ответил Пилон. – Может, он больше не будет заговаривать об этом.

Однако столь бесчеловечное требование глубоко их ранило.

– Встречаясь с ним, мы будем звать его «кровопийцей-ростовщиком», – сказал Пилон. – Столько лет мы были его друзьями! Когда он голодал, мы кормили его, когда он мерз, мы одевали его.

– Когда же это было? – спросил Пабло.

– Не важно. Будь у нас то, в чем он нуждался бы, мы поделились бы с ним. Вот какими друзьями мы были для него. А теперь он растоптал нашу дружбу ради коробки конфет для жирной старухи.

– Есть конфеты вредно, – сказал Пабло.

Бурные переживания совсем измучили Пилона. Он опустился на край придорожной канавы, подпер рукой подбородок и погрузился в отчаяние.

Пабло сел рядом с ним, но только для того, чтобы отдохнуть, так как его дружба с Дэнни не была такой старинной и прекрасной, как дружба Пилона с Дэнни.

Дно канавы было скрыто кустами и сухим бурьяном. Пилон, склонивший голову под гнетом печали и негодования, увидел, что из-под одного кустика торчит чья-то рука, а возле руки увидел бутылку вина, наполовину полную. Он вцепился в локоть Пабло и указал вниз.

Пабло уставился на руку.

– А может, он помер, Пилон?

Пилон уже успел перевести дух, и к нему вернулась обычная ясность мыслей.

- Если он помер, то вино ему ни к чему. Бутылку же с ним не похоронят!

Рука зашевелилась, отодвинула ветки, и глазам друзей открылась чумазая физиономия и рыжая щетинистая борода Хесуса Марии Коркорана.

- Здорово, Пилон, здорово, Пабло, - ошалело сказал он. - Que tomas?[9 - Что выпьете? (исп.)]

Пилон спрыгнул к нему.

- Amigo Хесус Мария! Ты нездоров?

Хесус Мария кротко улыбнулся.

- Я просто пьян, - пробормотал он, приподнялся и встал на четвереньки. - Выпейте со мной, друзья. Пейте больше. Тут еще много осталось.

Пилон положил бутылку на согнутый локоть. Он сделал четыре глотка, и содержимое ее убавилось на пинту с лишком. Затем Пабло отобрал у него бутылку и стал играть с ней, как котенок с перышком. Он пополировал горлышко рукавом. Он понюхал вино. Он сделал три-четыре предварительных глотка и покатавал капельку на языке, чтобы раздражить себя. Но вот он сказал: «Madre de Dios, que vino!»[10 - Матерь Божья, что за вино! (исп.)] - поднял бутылку, и красное вино весело забулькало у него в глотке.

Пабло еще не перевел духа, когда Пилон уже протянул руку к бутылке. Он обратил на своего друга Хесуса Марию взгляд, полный нежности и восхищения.

- Ты нашел в лесу клад? - спросил он. - Какой-нибудь богач помер и назначил тебя своим наследником, дружочек мой?

Хесус Мария был само человеколюбие, и в его сердце никогда не иссякала доброта. Он откашлялся и сплюнул.

– Дайте мне вина, – сказал он. – У меня пересохло в глотке. Я вам сейчас все расскажу.

Он пил неторопливо и мечтательно, как пьет человек, который уже столько выпил, что может больше не спешить и даже позволить себе расплескать чуточку вина, нисколько об этом не жалея.

– Две ночи тому назад, – сказал он, – я ночевал на берегу. На берегу недалеко от Сисайда. За ночь волны вынесли на берег лодку. Такую хорошую лодочку, и с веслами. Я сел в нее и погреб в Монтерей. За нее можно было бы выручить долларов двадцать, но покупателей не находилось, и я получил всего семь.

– У тебя еще остались деньги? – взволнованно перебил его Пилон.

– Я же рассказываю вам, как все было, – с достоинством ответил Хесус Мария. – Я купил два галлона вина и отнес их сюда в лес, а потом пошел погулять с Арабеллой Гросс. Я купил ей в Монтерее шелковые подштанники. Они ей понравились – они такие мягкие и розовые. И еще я купил для Арабеллы пинту виски, а потом мы встретили солдат, и она ушла с ними.

– Прикарманив деньги хорошего человека! – в ужасе вскричал Пилон.

– Нет, – задумчиво сказал Хесус Мария. – Ей все равно пора было уходить. А потом я пришел сюда и лег спать.

– Значит, у тебя больше не осталось денег?

– Не знаю, – сказал Хесус Мария. – Сейчас погляжу. – Он порылся в кармане и вытащил три смятые долларовые бумажки и десятицентовую монету. – Сегодня вечером, – сказал он, – я куплю Арабелле Гросс одну из штучек, которые носят как пояс, только выше.

– Маленькие шелковые кармашки на веревочке?

– Да, – ответил Хесус Мария. – Только они не такие уж маленькие, как ты думаешь.

Он откашлялся.

Пилон сразу исполнился нежной заботливости.

– Это все ночной воздух, – сказал он. – Спать под открытым небом вредно. Вот что, Пабло, мы отведем его к нам домой и вылечим его простуду. Грудная болезнь зашла уже далеко, но мы ее вылечим.

– О чем вы говорите? – спросил Хесус Мария. – Я здоров.

– Это тебе так кажется, – ответит Пилон. – Так казалось и Рудольфе Келлингу. А ты сам был на его похоронах месяц назад. Так казалось и Анхелине Васкес. А она померла на прошлой неделе.

Хесус Мария испугался.

– В чем же тут дело, как по-твоему?

– В том, что человек, когда спит, дышит ночным воздухом, – важно объяснил Пилон. – Твои легкие его не выдержат.

Пабло обмотал бутылку большим сорняком, так хорошо ее укрыв, что любой прохожий проникся бы жгучим желанием узнать, какую тайну скрывает этот сорняк.

Пилон шел рядом с Хесусом Марией и порой нежно брал его под руку, чтобы он не забыл о своей болезни. Они отвели его в свой дом, уложили в постель и, хотя день был жарким, укрыли старым ватным одеялом. Пабло произнес трогательную речь о муках несчастных страдальцев, терзаемых туберкулезом. А затем медовым голосом заговорил Пилон. Он с благоговейным восторгом описывал, какое это счастье – жить в маленьком домике. Когда приходит ночь, когда иссякают дружеская беседа и вино, а за окном смертоносные туманы льнут к земле, как призраки чудовищных пиявок, тогда живущему в таком домике не нужно выходить на улицу и устраиваться на ночлег во вредной сырости оврага. Нет, он ложится в удобную, мягкую, теплую постель и спит, как малое дитя.

Тут Хесус Мария уснул. Пилону и Пабло пришлось разбудить его и дать ему выпить. Затем Пилон принялся трогательно описывать утро, когда человек лежит в своем теплом гнездышке, дожидаясь, чтобы солнце начало припекать как следует. Ему не приходится дрожать на рассвете и хлопать руками, чтобы как-то их согреть.

Наконец Пилон и Пабло мертвой хваткой вцепились в Хесуса Марию, как два эрдельтерьера, которые, безмолвно выследив дичь, вцепляются в нее с двух сторон. Они сдали свой дом Хесусу Марии за пятнадцать долларов в месяц. Он с радостью согласился. Все трое пожали друг другу руки. Бутыль была извлечена из сорняка. Пилон основательно к ней приложился, так как знал, что самое трудное еще впереди. И вот пока Хесус Мария пил, он небрежно и вкрадчиво произнес:

– И мы возьмем с тебя всего три доллара задатка.

Хесус Мария поставил бутылку и в ужасе уставился на него.

– Нет, – возмущенно воскликнул он. – Я обещал Арабелле Гросс купить ей такую штучку. А за дом я заплачу, когда придет срок.

Пилон понял, что взял неверный тон.

– Когда ты лежал на берегу вблизи Сисайда, Бог пригнал к тебе эту лодочку. Что ж, по-твоему, милосердный Бог сделал это, чтобы ты мог покупать шелковые подштанники для девки с консервного завода? Нет! Бог послал тебе лодку, чтобы ты не умер от ночевки на холодной земле. Или, по-твоему, Бога заботит грудь Арабеллы Гросс? А кроме того, мы возьмем задаток только два доллара, – продолжал он. – За один доллар ты можешь купить такую штучку, что хоть корове будет впору.

Но Хесус Мария все еще не сдавался.

– Вот что, – сказал Пилон, – если мы не уплатим Дэнни два доллара, нас всех выгонят на улицу, а виноват будешь ты. Мы будем спать в канавах, и грех падет на твою душу.

Хесус Мария Коркоран не вынес стольких ударов со стольких сторон. Он протянул Пилону две смятые бумажки.

И тогда настороженность и недоверие покинули комнату, а их место заняли покой, тишина и теплейшая дружба. Пилон облегченно вздохнул. Пабло отнес одеяло к себе на кровать, и завязалась беседа.

- Нам надо отнести эти деньги Дэнни.

Первая жажда была утолена, и теперь они попивали вино из банок.

- Почему Дэнни так нужны два доллара? - спросил Хесус Мария.

И Пилон излил ему свою душу. Его руки запорхали, как две ночные бабочки, и только запястья и плечи мешали им вылететь за дверь.

- Наш друг Дэнни ухаживает за миссис Моралес. Нет, не сочти его дураком. У миссис Моралес есть в банке двести долларов. Дэнни хочет купить коробку конфет для миссис Моралес.

- Конфеты есть вредно, - заметил Пабло. - От них болят зубы.

- Это уж Дэнни решать, - сказал Хесус Мария. - Если он хочет, чтобы у миссис Моралес болели зубы, это его дело. А нам-то что до зубов миссис Моралес.

Лицо Пилона омрачилось тревогой.

- Однако, - строго перебил он, - если наш друг Дэнни подарит миссис Моралес много конфет, он их тоже будет есть. И значит, болеть будут зубы нашего друга.

Пабло огорченно покачал головой:

- Куда это годится, если друзья Дэнни, которым он верит, доведут его до зубной боли?

– Так что же нам делать? – спросил Хесус Мария, хотя и он сам, и остальные двое прекрасно знали, что именно они сделают. Каждый вежливо предоставлял соседу произнести неизбежные слова. Молчание затягивалось. Пилон и Пабло чувствовали, что предложение не должно исходить от них, поскольку в некоторых отношениях их можно было считать заинтересованными сторонами. Хесус Мария молчал потому, что был гостем, но когда молчание его хозяев подсказало ему, чего от него ждут, он мужественно сделал первый шаг.

– Галлон вина – вот прекрасный подарок для дамы, – произнес он задумчиво.

Пилон и Пабло были поражены его находчивостью.

– Мы скажем Дэнни, что для его зубов будет полезнее, если он купит вина.

– А вдруг Дэнни нас не послушает? Когда даешь Дэнни деньги, никогда не знаешь, что он на них купит. Вдруг он все-таки купит конфет, и тогда все наши хлопоты и волнения пропадут зря?

Они превратили Хесуса Марию в своего суфлера, в спасителя положения.

– Может, если мы сами купим вино и отдадим его Дэнни, это будет безопаснее? – предложил он.

– Вот именно! – вскричал Пилон. – Ты хорошо придумал.

Хесус Мария лишь скромно улыбнулся, услышав, что ему приписывают честь этой выдумки. Он прекрасно понимал, что идея носилась в воздухе и рано или поздно кто-нибудь ее обязательно высказал бы.

Пабло разлил остатки вина по банкам, и они выпили его, отдыхая после таких усилий. Они гордились тем, что спасительная мысль была развита столь логично и послужила столь человеколюбивой цели.

– Мне что-то есть хочется, – сказал Пабло.

Пилон встал, подошел к двери и поглядел на солнце.

– Полдень уже миновал, – сказал он. – Мы с Пабло пойдем к Торрелли за вином, а ты, Хесус Мария, иди в Монтерей и раздобудь еды. Может, миссис Бруно на пристани даст тебе рыбы. Может, ты где-нибудь достанешь хлеба.

– Я лучше пойду с вами, – сказал Хесус Мария, ибо он подозревал, что в головах его друзей столь же логично и столь же неизбежно уже зреет новая мысль.

– Нет, Хесус Мария, – сказали они твердо. – Сейчас два часа или около того. Через час будет три. Мы тогда встретимся с тобой здесь и перекусим. И может, запьем еду стаканчиком вина.

Хесус Мария с неохотой побрел в Монтерей, а Пилон и Пабло весело зашагали вниз по склону холма к заведению Торрелли.

Глава V

О том, как святой Франциск изменил ход событий и с отеческой мягкостью наказал Пилона, Пабло и Хесуса Марию

Вечер приближался так же незаметно, как приближается старость к счастливому человеку. К солнечному сиянию добавилось немножко больше золота. Залив стал чуть синей, и по нему побежали морщинки от берегового ветра. Одинокие удильщики, которые верят в то, что рыба клюет только во время прилива, покинули свои скалы, и их места заняли те, кто убежден, что рыба клюет только во время отлива.

В три часа ветер переменился и легонько подул с моря, принося с собой бодрящие запахи всевозможных водорослей. Чинильщики сетей на пустырях Монтерея отложили свои иглы и свернули сигареты. Жирные дамы с глазами скучающими и мудрыми, как глаза свиней, ехали по улицам города в пытящих автомобилях к отелю «Дель Монте», где их ждали чай и джин с содовой. На улице Альварадо Гуго Мачадо, портной, повесил на дверь своей мастерской записку: «Буду через пять минут» – и ушел домой, чтобы больше в этот день не возвращаться. Сосны покачивались медлительно и томно. Куры в сотнях

курятников безмятежными голосами жаловались на свою тяжкую судьбу.

Пилон и Пабло сидели под кустом кастильской розы во дворе Торрелли и, не замечая времени, тихонько потягивали вино, а вечерние тени вокруг росли так же незаметно, как растут волосы.

– И очень хорошо, что мы не отнесли Дэнни двух галлонов вина, – сказал Пилон. – Он из тех, кто не знает меры, когда пьет.

Пабло согласился.

– Дэнни на вид здоров, – сказал он, – но ведь каждый день только и слышишь, как такие люди умирают. Возьми хоть Рудольфе Келлинга. Возьми хоть Анхелину Васкес.

Педантизм его собеседника мягко дал о себе знать.

– Рудольфе свалился в каменоломню за Пасифик-Гроув, – с легким упреком поправил Пилон приятеля. – Анхелина съела испорченные рыбные консервы. Но, – закончил он ласково, – я понимаю, что ты хотел сказать. Очень многие умирают от злоупотребления вином.

Весь Монтерей постепенно и бессознательно начинал готовиться к ночи. Миссис Гутьерес крошила красный перец для соуса. Руперт Хоган, виноторговец, разбавил джин водой и припрятал его, чтобы продавать после полуночи. И подсыпал перца в вечернее виски. В дансинге «Эль Пасео» Бомба Розендейл открыла коробку соленого печенья и разложила его по большим блюдам, словно грубые коричневые кружева. В аптеке «Палас» убрали маркизы. Кучка мужчин, которые простояли весь день перед почтовой конторой, здороваясь с друзьями, отправилась на станцию встречать экспресс «Дель Монте» из Сан-Франциско. Пресыщенные чайки поднимались с пляжа у рыбоконсервных заводов и улетали на рифы. Стаи пеликанов, тяжело взмахивая крыльями, тянулись туда, где они ночуют. Итальянские рыбаки на сейнерах складывали свои невода. Маленькая мисс Альма Альварес, которой давно уже исполнилось девяносто лет, отнесла ежедневный букет розовой герани Пресвятой Деве над папертью церкви Сан-Карлос. В соседней методистской деревушке Пасифик-Гроув члены Женского Христианского Союза Трезвости, собравшиеся на чаепитие и беседу, слушали

миниатюрную даму, которая с большим жаром живописала порок и проституцию, процветающие в Монтерее. Она рекомендовала, чтобы специальная комиссия посетила тамошние притоны и на месте ознакомилась с ужасающим положением вещей. Они уже много раз все это обсуждали, и им необходимы свежие факты.

Солнце склонилось к западу и обрело оранжевый румянец. Под кустом кастильской розы во дворе Торрелли Пабло и Пилон допили первый галлон вина. Торрелли вышел из дому и прошел через двор, не заметив своих недавних клиентов. Они подождали, пока он не скрылся из виду на улице, ведущей в Монтерей; тогда Пабло и Пилон вошли в дом и, рассчитано пустив в ход свое искусство, добились того, что миссис Торрелли угостила их ужином. Они хлопали ее по заду, называли ее «уточкой», позволили себе несколько любезных вольностей по отношению к ее особе и в конце концов удалились, оставив ее весьма польщенной и слегка растрепанной.

К этому времени Монтерей окутали сумерки и уже зажглись фонари. Мягко светились окна. Монтерейский театр принялся выписывать огненными буквами «Дети ада, Дети ада». Маленькая, но фанатическая кучка тех, кто верит, что рыба клюет только вечером, в свою очередь, расположилась на остывших скалах. По улицам пополз легкий туман, завиваясь у печных труб, и в воздухе разлился приятный запах горящих сосновых дров.

Пабло и Пилон вернулись к своему розовому кусту и сели на землю, но им уже не было так уютно, как прежде.

- Тут холодно, - заметил Пилон и отхлебнул из бутылки, чтобы согреться.

- Пойдем лучше домой, там тепло, - сказал Пабло.

- Но у нас нет дров.

- Ладно, - сказал Пабло, - неси вино, встретимся на углу. (И он действительно пришел туда через полчаса.)

Пилон терпеливо ждал, зная, что есть положения, когда даже помощь друга бесполезна. И, ожидая, Пилон бдительно вглядывался в тот конец улицы, где исчез Торрелли, так как Торрелли был человеком буйным и любые объяснения, даже самые логичные, даже необыкновенно красноречивые, не произвели бы на него ни малейшего впечатления. Кроме того, Пилон знал, что Торрелли придерживается по-итальянски нетерпимых и чисто донкихотских взглядов на супружеские отношения. Но Пилон беспокоился напрасно. Торрелли, пылая яростью, не ворвался в свой дом. Через некоторое время явился Пабло, и Пилон с восхищением и одобрением заметил, что он несет охапку сосновых дров из поленницы Торрелли.

Пабло ни словом не обмолвился о своем приключении, пока они не добрались до дома. А тогда он сказал, как недавно Дэнни:

– Бойкая женщина эта уточка.

Пилон в темноте кивнул и сказал философски;

– Редко можно найти на одном рынке все, в чем нуждается человек, – вино, еду, любовь и дрова. Не надо забывать Торрелли, Пабло, друг мой. С таким человеком стоит водить знакомство. Давай подарим ему что-нибудь.

Пилон подбрасывал поленья в печку, пока пламя в ней не заревело. Тогда оба друга придвинули стулья поближе и поднесли банки из-под варенья к самой дверце, чтобы согреть вино. В этот вечер комнату освещал священный огонек, так как Пабло купил свечу, чтобы поставить ее святому Франциску. Но что-то отвлекло его от осуществления этого благочестивого намерения. И теперь тоненькая восковая свечка горела ясным пламенем в устричной раковине, отбрасывала тени Пабло и Пилона на стену и заставляла их танцевать.

– Куда это запропастился Хесус Мария? – заметил Пилон.

– Он обещал вернуться давным-давно, – ответил Пабло. – Просто не знаешь, можно ли доверять такому человеку или нет.

– А вдруг его что-нибудь задержало, Пабло? Из-за рыжей бороды и доброго сердца у Хесуса Марии вечно случаются неприятности с дамами.

– У него мозги, как у кузнечика, – сказал Пабло. – Только и знает, что петь, играть да прыгать. Несерьезный он человек.

Ждать им пришлось недолго. Не успели они во второй раз наполнить банки из-под варенья, как в комнату, шатаясь, ввалился Хесус Мария. Он уцепился за оба косяка, чтобы не упасть. Рубаха его была разорвана, лицо залито кровью. Танцующее пламя свечи озаряло зловещий синяк под глазом.

Пабло и Пилон бросились к нему.

– Наш друг! Он ранен. Он упал с обрыва. Его переехал поезд!

В их тоне не было и тени насмешки, но Хесус Мария счел эти слова самой язвительной насмешкой. Он свирепо сверкнул на Пилон и Пабло тем глазом, который был еще на это способен.

– Обе твои матери – яловые коровы, – сказал он.

Они отступили, ужаснувшись вульгарности этого ругательства.

– Наш друг бредит.

– Ему проломили череп.

– Налей ему вина, Пабло.

Хесус Мария угрюмо уселся у печки, поглаживая свою банку из-под варенья, а его друзья терпеливо ждали рассказа о трагическом происшествии. Но Хесус Мария, казалось, не собирался ничего им говорить. Пилон несколько раз откашливался, Пабло глядел на Хесуса Марию взглядом, готовым немедленно выразить живейшее сочувствие, но Хесус Мария только хмурился и свирепо поглядывал то на печку, то на вино, то на святую свечу, и в конце концов его невежливая сдержанность толкнула Пилон на столь же большую невежливость. Потом он сам не понимал, как мог настолько забыться.

– Опять эти солдаты? – спросил он.

- Да, - проворчал Хесус Мария. - На этот раз они явились слишком рано.

- Наверное, их было не меньше двадцати, раз они тебя так отделали, - заметил Пабло, чтобы подбодрить друга. - Кто же не знает, что в драке ты - лев?

И действительно, после его слов Хесус Мария чуть-чуть повеселел.

- Их было четверо, - сказал он. - И Арабелла Гросс им тоже помогала. Она стукнула меня камнем по голове.

Пилона охватило добродетельное негодование.

- Не стану напоминать тебе, - сказал он строго, - что твои друзья просили тебя не связываться с этой девкой-консервницей. (Он не был вполне уверен, предостерегал ли он Хесуса Марию, но ему помнилось, что предостерегал.)

- От этих дешевых белых девчонок добра не жди, - вмешался Пабло. - А ты отдал ей эту штучку, которую носят как пояс?

Хесус Мария порылся у себя в кармане и вытащил оттуда розовый вязкий бюстгальтер.

- Не успел, - сказал он. - Я как раз хотел это сделать, а кроме того, мы еще не добрались до леса.

Пилон понюхал воздух и покачал головой, но не без оттенка грустной снисходительности:

- Ты пил виски.

Хесус Мария кивнул.

- Чье это было виски?

- Этих солдат, - ответил Хесус Мария. - Они спрятали его под мостиком. Арабелла об этом знала и сказала мне. Но солдаты увидели у нас бутылку.

Контуры случившегося постепенно прояснялись. Пилон предпочитал именно такой способ повествования. Выложить все сразу – значит безнадежно испортить рассказ. Его прелесть слагается из недосказанного, когда слушатель должен восполнять пробелы, исходя из собственного опыта. Пилон взял розовый лифчик с колен Хесуса Марии, провел по нему пальцами, и глаза его стали задумчивыми. Но через мгновение в них вспыхнула радость.

– Знаю! – воскликнул он. – Мы отдадим эту штучку Дэнни для подарка миссис Моралес.

Все, кроме Хесуса Марии, горячо приветствовали этот план, и он почувствовал, что остался в жалком меньшинстве. Пабло тактично наполнил банку Хесуса Марии, хорошо понимая, каково это – потерпеть поражение.

Но прошло немного времени, и все трое начали улыбаться. Пилон рассказал очень смешную историю, случившуюся с его отцом. К обществу вернулось хорошее настроение. Они запели. Хесус Мария отбил чечетку, чтобы доказать, что его рана – пустяк. Вина в бутылки становилось все меньше и меньше, однако оно еще не иссякло, когда троих друзей сморил сон. Пабло и Пилон, пошатываясь, добрались до своих постелей, а Хесус Мария удобно устроился на полу возле печки.

Дрова в печке догорели. Дом наполнился басовой мелодией сна. В большой комнате все застыло в неподвижности. Только святая свеча с удивительной быстротой то вскидывала, то опускала острый язычок пламени.

Позже эта свеча заставила Пилона, и Пабло, и Хесуса Марию задуматься над кое-какими этическими вопросами. Простая восковая палочка с бечевкой внутри ее. Подобный предмет, скажете вы, подвластен определенным физическим законам, и только им. Вы думаете, что его поведение обуславливается конкретными факторами, именуемыми теплотой и горением. Вы зажигаете фитиль, воск плавится и подымается по фитилю; свеча горит какое-то количество часов, затем гаснет – и все. Эпизод закончен. Вскоре свеча уже забыта, и следовательно, никогда не существовала.

Но разве вы забыли, что свеча была святой? Что в минуту угрызений совести, а может быть, чисто молитвенного экстаза Пабло обещал ее святому Франциску? И вот этот фактор помещает восковую палочку вне пределов юрисдикции

физических законов.

Свеча прицелилась острием пламени в небеса, словно художник, который сжигает себя, чтобы обрести бессмертие. Свеча становилась все короче и короче. Она искривилась. Ветер поднялся на улице и пробрался сквозь щели в стенах. Шелковый календарь, украшенный личиком прелестной девушки, выглядывающей из лепестков розы «Американская красавица», плавно качнулся на стене. Он задел огненное острие. Пламя лизнуло шелк и взбежало к потолку. Вспыхнул отставший кусок обоев и, пылая, упал на пачку старых газет.

С неба на происходившее сурово и неумолимо глядели святые и мученики. Свечка была обещана. Она принадлежала святому Франциску. Вместо нее святой Франциск получит в эту ночь свечу побольше.

Умей мы измерять глубину сна, можно было бы утверждать, что Пабло, чье кощунственное деяние послужило причиной пожара, спал еще более крепко, чем оба его друга. Но раз мы этого не умеем, остается только сказать, что спал он очень, очень крепко.

Языки пламени побежали по стенам, нашли дыры в крыше и просочились сквозь них в ночь. Дом наполнился ревом огня. Хесус Мария заворочался и, не просыпаясь, начал стягивать с себя куртку. Но тут ему на лицо упала горящая драмка. Он с воплем вскочил и потрясенно уставился на огонь, бушевавший вокруг.

– Пилон! – завопил он. – Пабло!

Он бросился в соседнюю комнату, вытащил своих друзей из постелей и вытолкал их за дверь. Пилон все еще сжимал в кулаке розовый бюстгальтер.

Они стояли перед горящим домом и смотрели в занавешенную огнем дверь. Им был виден стол, а на нем – бутылка, в которой еще оставалось добрых два дюйма вина.

Пилон почувствовал, что в Хесусе Марии поднимается волна яростного героизма.

- Не делай этого! - крикнул он. - Пусть оно гибнет в огне, в наказание нам за то, что мы его оставили там.

До них донесся вой сирен и рев монтерейских пожарных машин, на второй передаче взбирающихся по холму. Большие красные фургоны все приближались, и лучи их прожекторов уже заметались среди сосен.

Пилон поспешно повернулся к Хесусу Марии:

- Беги и скажи Дэнни, что его дом горит. Беги быстрее, Хесус Мария.

- А почему ты сам не бежишь?

- Слушай, - сказал Пилон, - Дэнни не знает, что его дом снимаешь ты. А на Пабло и меня он может рассердиться.

Хесус Мария признал логичность этого довода и опрометью кинулся к дому Дэнни. В доме было темно.

- Дэнни! - крикнул Хесус Мария. - Дэнни! Твой дом горит!

Ответа не было.

- Дэнни! - крикнул он снова.

В соседнем доме, в доме миссис Моралес, открылось окно, и Дэнни сказал раздраженно:

- Какого черта тебе тут надо?

- Твой другой дом горит! Тот, в котором живут Пабло и Пилон.

Дэнни немного помолчал, а потом спросил:

- Пожарные там?

– Да! – крикнул Хесус Мария.

К этому времени зарево разлилось по всему небу. До них донесся треск горящих бревен.

– Ну, – сказал Дэнни, – если пожарные ничего не могут поделаться, так чего Пилон хочет от меня?

Хесус Мария услышал, как окно захлопнулось, и, повернувшись, побежал назад. Он понимал, что явился не вовремя, но ведь заранее не угадаешь. Если бы Дэнни пропустил пожар, он мог бы рассердиться. Во всяком случае, Хесус Мария был рад, что предупредил его. Теперь вся ответственность ложилась на миссис Моралес.

Домик был маленький, тяга хорошая, а стены сухие. Пожалуй, с тех пор как выгорел старый китайский квартал, в Монтерее не случилось такого быстрого и исчерпывающего пожара. Пожарные бросили взгляд на пылающие стены и принялись поливать траву, деревья и соседние дома. Не прошло и часа, как от дома ничего не осталось. И только тогда шланги были повернуты на кучу золы, чтобы загасить угли и раскаленный пепел.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария стояли плечом к плечу и смотрели. Половина жителей Монтерея и все обитатели Тортилья-Флэт, за исключением Дэнни и миссис Моралес, толпились вокруг, с большим удовольствием созерцая пожар. Наконец, когда все было кончено и над черной кучей поднялось облако пара, Пилон молча повернулся и зашагал прочь.

– Куда ты идешь? – окликнул его Пабло.

– Я иду, – сказал Пилон, – в лес, чтобы выспаться. Советую и вам сделать то же. Нам лучше пока не попадаться на глаза Дэнни.

Они задумчиво кивнули и последовали за ним в сосновый лес.

– Это урок для нас, – сказал Пилон. – Никогда не следует оставлять вино в доме на ночь.

– В следующий раз, – с унылой безнадежностью сказал Пабло, – ты оставишь его снаружи, и кто-нибудь его украдет.

Глава VI

О том, как трое грешников, раскаявшись, обрели душевный мир. О том, как друзья Дэнни поклялись в вечной дружбе

Когда солнце поднялось над соснами и земля согрелась, а ночная роса уже высыхала на листьях герани, Дэнни вышел на крыльцо, чтобы посидеть на солнышке и поразмыслить о некоторых событиях. Он сбросил башмаки и зашевелил пальцами босых ног, грея их на солнце. На рассвете он уже сходил посмотреть на черную кучу золы, из которой торчали остатки водопроводных труб, – еще недавно все это было его вторым домом. Он уже вознегодовал, как положено, на своих небрежных друзей, уже оплакал ту недолговечность земных сокровищ, которая делает столь ценными сокровища духа. Он уже всесторонне обдумал гибель своего статуса домовладельца, сдающего второй дом в аренду, и теперь, испытав и забыв этот клубок неизбежных и приличествующих случаю эмоций, предался, наконец, единственно подлинной из них – чувству глубокого облегчения, что хотя бы половина этого бремени свалилась с его плеч.

«Если бы он уцелел, я бы алчно требовал платы за него, – думал Дэнни. – Мои друзья охладели ко мне, потому что они стали моими должниками. Теперь мы опять будем свободны и счастливы».

Но Дэнни знал, что он должен устроить нагоняй своим друзьям, чтобы они не сочли его рохлей. И вот, сидя на крыльце и отгоняя мух движением руки, которое скорее предостерегало их, нежели грозило им гибелью, он обдумывал, что он скажет своим друзьям, прежде чем вновь откроет для них кораль былой дружбы. Он должен показать им, что он – не тот человек, чьим долготерпением можно злоупотреблять. Но он жаждал поскорее покончить со всем этим и вновь стать тем Дэнни, которого все любили, тем Дэнни, к которому спешили люди, раздобывшие бутылку вина или кусок мяса. Ведь пока он был владельцем двух домов, его считали богачом, и поэтому он лишился многих радостей.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария Коркоран спали крепким сном на сосновых иглах в лесу. Ночь была исполнена бурных волнений, и они устали. Но солнце наконец начало припекать их лица с полуденным пылом, муравьи гуляли по ним взад и вперед, а две голубые сойки, опустившись на землю возле них, обзывали их всеми бранными кличками, какие только знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вошь (исп.).

2

Прощай (исп.).

3

Грубое испанское ругательство.

4

Грубое испанское ругательство.

5

Друг (исп.).

6

Радуйся, Мария, полная благодати! (лат.)

7

Твое здоровье! (исп.)

8

Ваш слуга! (исп.)

9

Что выпьете? (исп.)

10

Матерь Божья, что за вино! (исп.)

Купить: https://tellnovel.com/steynbek_dzhon-ernst/kvartal-tortil-ya-flet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)